

Новые религиозности: социологические рефлексии

И.Г. Каргина

В статье анализируются основные направления трансформаций современного института религии и новых типов религиозностей, а также меняющиеся представления о месте и роли религии в культурных преобразованиях социума XXI в., где религия вновь активизирована, деприватизирована и все больше влияет на политику и поведение людей. В ней приводятся примеры и исследуются современные тренды в области «веры без принадлежности», то есть развития неинституционализированных форм религиозностей.

В конце прошлого столетия социология религии как отрасль социологического знания переживала болезненный застой прежде всего теоретико-методологического характера. Религиозное поле изучалось, измерялось и оценивалось через призму доминирующей парадигмы секуляризации. Выработанные годами подходы к измерению социальных проявлений религии стали представлять собой своеобразное «отраслевое клише», что существенно ограничивало представление о реальном состоянии института религии и не позволяло широкому кругу специалистов принять, а порой и обнаружить факт нарождающихся новых типов религиозностей. Неслучайно в 1985 г. известный британский социолог религии Джеймс Бекфорд сравнил социологию религии того времени с «аэропланом, завалившимся в дрейфующем полете на одно крыло»¹.

Он высказывал справедливое беспокойство по поводу того, что отрасль социологии религии перемещается в периферийную область и что обращение к исследованиям религии на национальных и международных социологических конгрессах становится все более экзотическим, общий интерес к проблемам религии и дисциплине в целом падает. Однако за последние 25 лет многое изменилось. Существенным вызовом социологии

религии стало последнее десятилетие прошлого столетия и начало XXI в., когда заметную роль в международных политических событиях и социальных процессах стал играть религиозный фактор. Это соответственно вызвало к жизни появление новых социологических рефлексий с принципиально иным теоретико-методологическим инструментарием.

XVII Всемирный и X Европейский социологические конгрессы: новые подходы к изучению религиозности. Судьбоносным событием для социологов религии стал XVII Всемирный социологический форум международной социологической ассоциации, состоявшийся в 2010 г. в Швеции, на котором, по оценкам организаторов, около 5000 тем докладов зарегистрированных участников было посвящено проблемам, так или иначе связанным с религией. Это были проблемы войн, конфликтов и выживания, миграционные процессы и деконсолидация, демографические трансформации и ключевые тренды в сферах образования, семьи и молодежи. Одно из пяти пленарных заседаний конгресса – «Религия и власть» – проходило под руководством наиболее значимых на сегодняшний день фигур в области социологии религии – Грэйс Дэйви, Джоз Казановы, Линды Вудхид и Фенганга Йанга.

Каргина Ирина Георгиевна – к.социол.н., доцент кафедры социологии МГИМО(У) МИД России. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 06-00424а. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Более 200 выступлений на заседаниях секции социологии религии было посвящено анализу собственно религиозных тенденций и выработке новых теоретических моделей их осмысления. Если обобщить весь спектр презентаций, то можно выделить ряд наиболее значимых тем, к которым привлечено внимание социологов религии сегодня. Они, по сути, олицетворяют наиболее значимые тренды в сферах социальных проявлений религии начала XXI столетия и изучения современного религиозного нарратива. Это:

- процессы десекляризации, респиритуализации, деприватизации, «возвращения религий», «духовной революции», сопровождающиеся расширением спектра новых типов религиозностей, изменениями религиозного ландшафта, формирующие новые образы религий, в том числе и христианства;

- трансформация современных практик институтов традиционных религий. В частности, христианские религиозные институты активно распространяют маркетинговые стратегии для сохранения и расширения сфер влияния в секулярных и сакральных областях, становясь менее ортодоксальными и более интегрированными в социальные и политические процессы;

- влияние глобальной иммиграции на изменения религиозного пейзажа, идентичностей, как следствие, на процессы интеграции и дезинтеграции, социальные конфликты;

- ислам и христианство;

- новые религиозные движения.

Оценивая результаты Всемирного социологического конгресса, известный итальянский социолог религии Мария Гриеро отметила, что «продолжительная близорукость социологов по отношению к религии преодолена, и религия становится трендовой темой не только в академической, но и в политической среде». Она также подчеркнула, что «социология религии стала менее изолированной в последние годы. И это связано не только с возросшей ролью религии в мире, но и благодаря изменениям внутри сообщества социологов религии, появлению новых и свежих междисциплинарных работ»². Добавим в этой связи: речь идет о трудах, направленных на то, чтобы заполнить возникшие теоретические и методологические пробелы и обосновать новый теоретико-методологический инструментарий для исследований.

Всемирный конгресс задал тон для продолжения дискурса о современных проявлениях религии в кругу европейских социологов на X социологическом конгрессе европейской социологической ассоциации, состоявшемся в Женеве в сентябре 2011 г. Организаторы конгресса обозначили его тему как «Социология во времена турбулентности». Заимствованный из физики термин «турбулентность» был выбран неслучайно. Он действительно, хотя и метафорически, весьма точно и глубоко характеризует уникальную неопределенность социальных процессов современности. Под влиянием прежде всего политических

и экономических кризисов изменения происходят со все увеличивающимся ускорением в форме хаотических флуктуаций и потому «перемещаются» неравномерно как во времени, так и от социума к социуму. Причем все чаще целенаправленные действия людей имеют ненамеренные последствия, увеличение значимости которых прогнозировал еще Р. Мертон³. Организаторами конгресса было отмечено, что «времена становятся турбулентными, когда происходят кризисы и катастрофы. Такие явления могут быть определены как критические события, прерывающие определенный социальный порядок во времени и пространстве, а также социальные процессы, которые сложились в прошлом, развиваются в настоящем и формируют будущее»⁴.

Особый импульс европейскому диалогу социологов на конгрессе придавал общий для всех европейских стран возросший за последнее десятилетие уровень миграционных процессов, существенно повлиявших на все значимые сферы общественной жизни: социальную структуру, демографию, культурные трансформации, религиозный ландшафт. За последние несколько лет эти процессы приобрели новый существенный признак, а именно – разрастание тенденции циркуляции (миграции) иммигрантов внутри границ европейского сообщества, что дополняет уже существующие кризисы культурного, социального, политического и экономического порядков новыми рисками. Обозначенные выше контексты определили формат дискуссий на конгрессе и тематику исследований, проясняющих и объясняющих происходящие в религиозной сфере события, а также тесно связанные с религиозными культурные преобразования. Внимание к данной взаимосвязи неслучайно. На одном из пленарных заседаний, проходившем под названием «Культура, искусство и религия во времена турбулентности», немецкий социолог Хьюберт Кноблаух подчеркнул, что «каким бы не было трудным определение современных отношений между культурой и религией, они составляют одну из наиболее значимых составляющих турбулентности в современном обществе»⁵.

Действительно, последние десятилетия обострили отношения между секулярной культурой и религией, обозначив решающую линию конфликта на глобальном уровне. На протяжении практически всего XX столетия господствующие механизмы управления явно или латентно воспроизводили либерально-светское мировоззрение, которое стало одним из краеугольных камней современности, ее культурной сущностью. Однако социальные реалии конца XX – начала XXI в. «вытащили» религию из периферийной зоны социума на авансцену, придав ей новое качество, актуализировав не востребовавшие долгое время ее социальные роли, что катализировало новые культурные сдвиги. Анализируя сложившиеся противоречия между религией и культурой, руководители исследовательского комитета ESA «Социология культуры» Анна-София Белард и

Хьюберт Кноблаух отметили, что «культура уже не «невинное» понятие. В современных условиях она является активным непосредственным игроком на социальной арене, которая структурирована различными видами власти или неравенства, притязает на социальную легитимность и признание, которые, в свою очередь, вступают в конфликт друг с другом. Так, например, такие ключевые акторы на этой арене, как политические системы и СМИ, по-разному определяют понятие культуры прежде всего в части включения в него области религии»⁶.

И важно, по мнению Белард и Кноблауха, понять, что «столкновение точек зрения и притязания на культурную легитимность или признание можно найти почти в каждой области общественной жизни, причем они могут сыграть значительную роль в повседневных взаимодействиях, в которых они реализуются с большей или меньшей силой, а также с большей или меньшей рефлексивностью»⁷. Здесь вполне уместно вспомнить слова Пьера Бурдьё, написанные им еще 40 лет назад, но сегодня звучащие исключительно современно и актуально, ибо обозначают ключевой признак и вектор развития религиозного нарратива: «Сакральное становится капиталом, который актор может использовать для того, чтобы выстраивать или создавать различия между ним (актором) и другими, обеспечивать лучшую интеграцию, а также более высокий статус в социальном поле»⁸.

Сказанное Бурдьё настолько точно дает описание образцов современности, которые без труда можно обнаружить в любом современном сообществе, что остается только восхищаться точности прогноза классика социологии. Таким образом, культурная власть, в которой все большую роль начинает играть религиозный компонент, открывает новый широкий спектр практик, в которых отношения социального доминирования либо имплицитно воспроизводятся, либо явно оспариваются со стороны индивидуальных и коллективных акторов. Это позволяет лучше понять причины, качество (в смысле содержания) и направление трансформаций современных религиозностей, обсуждение исследований которых находилось в центре внимания социологов религии на Европейском конгрессе. Остановимся на обзоре части тематик, которые, на наш взгляд, отличались особой новизной в исследовательских подходах и выявлением новых признаков в многократно описанных ранее религиозных трендах.

«Замещающая религия» и религиозность генерации Y. Серия работ 2004–2007 г. британского социолога Сильвии Коллинз-Мэйо по изучению сценариев жизни молодых людей Великобритании и роли религии в их ежедневных практиках позволили ей получить ряд любопытных результатов. Они позволили ей продвинуться вперед в понимании нового образа религии и сущности современной религиозности. Ученый размышляет над выводами многих исследователей христианского Запада, что в Западной Европе

молодежь в целом в меньшей степени религиозна (в распространенном понимании религиозности как прежде всего степени воцерковленности), чем взрослые.

Эти результаты часто лежат в основе альтернативных предположений. Согласно одному из них, отсутствие постоянных контактов молодежи с церковью свидетельствует о неприятии молодыми людьми традиционной институциональной религии в пользу новых форм духовности, в которых приоритетом является индивидуализированная, субъективно проверенная система убеждений. В качестве альтернативы утверждается, что сознание молодежной генерации становится все более секулярным. В то же время целый ряд исследований в разных европейских странах (Великобритании, Испании, Италии) показывают, что повседневная религия большинства молодых людей располагается между обозначенными полюсами⁹.

Одним из ключей к пониманию этой повседневной религии стала концепция «замещающей религии» британского социолога Грейс Дейви. Она, по утверждению С. Коллинз, получила свое подтверждение в полученных в ходе исследования результатах. «Между меньшинством европейцев, которые посещают церковь (мечеть или синагогу) регулярно, и меньшинством, которые уверенно описывают себя как неверующие, находится значительное большинство европейцев, которые еще не были адекватно объяснены или описаны социологами»¹⁰, – утверждает Г. Дейви.

С. Коллинз провела сотни глубинных интервью и выяснила, что большинство молодых людей в Великобритании прежде всего верят в семью, дружбу и в самих себя, а не в Бога. Отношение к христианской религии и сама религиозная жизнь молодых людей оказывается довольно неопределенной и поверхностной. Когда прихожанам христианских церквей из числа молодежи было предложено выбрать одно из утверждений о том, что ближе описывает их веру в Бога, 43% предпочли вариант «Я действительно не знаю, что сказать». Только 23 % ответили: «Я верю в Бога, которого я знаю лично». Коллинз-Мэйо также выяснила, что 24% представителей поколения Y «верят в некую высшую силу или силу жизни, но не в личного Бога» и 12 % «не думают, что есть Бог или некая единая высшая сила, одна для всех». Вместе с тем большинство молодых людей не отвергают религию, веру в Бога, христианские ценности и традиции. Один из молодых собеседников С. Коллинз сказал: «Я не христианин, я не верю в Бога, но я бы жил по-христиански, потому что это хорошо»¹¹.

С. Коллинз-Мэйо делает вывод, что вера в Бога представляет собой ситуативный феномен: большая часть молодых людей в Англии в повседневной жизни «благодушно равнодушна к христианству», но в то же время периодически использует его [христианство] как традицию или институт в повседневной практике, а также для построения идентичности. Анализируя результаты своих исследований, С. Коллинз опирается на подходы к изучению религиозного нарратива

известного британского социолога Грэйс Дэйви и ее концепцию «замещающей религии»¹². Данная концепция была разработана, чтобы попытаться понять природу европейской религии - как она возникает из сложного комплекса прошлого и каковы ее формы, которые память или воспоминания как бы берут из XX в. и определяют путь [понимание] мира XXI в., который характеризуется необычайно низким уровнем активной религиозности, но относительно высоким уровнем номинальной веры¹³.

Грэйс Дэйви определяет «замещающую религию» как «желание населения делегировать религиозную сферу профессиональным религиозным институтам»¹⁴. Более того, согласно ее концепции, европейцы признательны, что церкви выполняют опосредованно ряд задач в интересах населения в целом. Социолог поясняет, что в определенное время церкви, или церковных лидеров, или членов церкви «просят артикулировать сакральное» от имени отдельных лиц, семей и общества в целом. В то время как рядовые граждане Европы могут не иметь религиозной практики на ежедневной основе, они тем не менее признают ее ценность, и «более половины европейцев знают, что им, возможно, придется привлечь ее [религию] в решающий момент их индивидуальной или коллективной жизни»¹⁵.

Для подтверждения и уточнения своей концепции Г. Дэйви дает ряд примеров, таких, как артикуляция всенародного горя [общенациональные религиозные службы, обращение к сакральному в поисках поддержки и ответов на вопросы] после гибели принцессы Дианы в 1996 г., террористических атак в США 11 сентября 2001 г., крушения балтийского парома «Эстония» в 1994 г.; и на более регулярной основе сохранение религиозных церемоний – похорон, венчаний и в меньшей степени крещений. В таких случаях человек инстинктивно стремится к церкви, ее должностным лицам, храмовым зданиям, религиозным символам и литургии как к помощникам, дающим утешение или понимание и проясняющим сакральный смысл происходящего.

Важным аспектом концепции «замещающей религии» является то, что она базируется на довольно устойчивой платформе – перманентном наличии в обществах редких, но особых случаев, в отношении которых церковь обязана выполнять ожидаемую роль модератора. Таким образом, церковь должна сохраняться, чтобы она была в состоянии предоставлять такую «замещающую религию», как этого требует общество. Г. Дэйви обращает внимание на то, что в некоторых европейских странах это, как правило, имплицитное понимание социальной роли церкви, проявляется в том, что государство может оказывать религиозным институтам финансовую поддержку или предоставлять им некие привилегии, чтобы помочь церкви продолжить существование и в будущем¹⁶. Стоит сказать, что эта практика довольно эффективна, поскольку рели-

гией, всегда имеющейся «под рукой», люди [государственные деятели] могут воспользоваться [и пользуются], когда это нужно [или выгодно].

Отметим, что в концепции Дэйви получила свое развитие теория французского социолога Даниел Харви-Легер, которая рассматривала религию как форму коллективной памяти, передающейся от одной группы или членов сообщества к другим с помощью серии цепей. Следуя этой теории, Дэйви отдает дань церкви как основному носителю и хранителю части этой коллективной памяти для всего общества в целом, получившей у Дэйви наименование «замещающей памяти». В работе «Замещающая религия: методологический вызов» Г. Дэйви выделяет четыре роли/вида практик церкви по сохранению «замещающей памяти»:

- церковь и церковные лидеры исполняют ритуалы от имени других лиц;
- церковные лидеры и активные христиане верят в пользу (от имени) других;
- церковные лидеры и активные христиане воплощают нравственные нормы во благо (от имени) других лиц;
- церкви предлагают места для «замещающего» обсуждения нерешенных социальных проблем (например, гомосексуализма, эвтаназии, клонирования и проч.)¹⁷.

Существуют различные агенты «замещающей памяти»: церкви как учреждения; руководители церквей; члены церкви и другие прихожане; церковь как форма общественной жизни. Они являются корневым связующим звеном, через которое религиозная память передается и переформулируется, то есть она необязательно является статичной. Размышляя о «замещающей религии» как социологической концепции, Г. Дэйви заключает, что «замещение все еще будет находить отклик в Европе в первые десятилетия двадцать первого века. Как концепция, она более проникательна и более точная, чем «вера без принадлежности». Она не только выходит за рамки простой дихотомии, но и указывает на комплекс культурной и политической истории, которые могут формировать «замещение» в любом обществе»¹⁸.

Теория Г. Дэйви стала предметом дискурса в кругу социологов религии. Особенно критично ее оценивают последовательные сторонники парадигмы секуляризации, такие, например, как С. Брюс и Д. Воас. Вместе с тем они признают, что «концепция «замещающей религии» проливает свет на ряд неразрешенных вопросов и восполняет дефицит в социологических теориях религии периода постмодерна»¹⁹. Среди безусловных сторонников Г. Дэйви – известный американский религиовед и историк религии Филипп Дженкинс. Он признает, что институциональные позиции современной христианской религии стали значительно ослаблены, но «институциональная слабость – необязательно является индикатором общей религиозной апатии», и «удивительным образом христианство продолжает как «призрак» присутствовать в европейском обществе»²⁰.

Гражданская религиозность. На фоне религиозного ренессанса и попыток его научного осмысления особое звучание сегодня приобретают исследования в сфере гражданской религии и гражданской религиозности, оказывающиеся довольно созвучными с концепцией «замещающей религии» Г. Дэйви. Объединяют эти исследования схожие результаты, обобщающий смысл выводов которых заключается в том, что последствия современных политических, экономических и социальных трансформаций понижают градус неопределенности культурных и этнических идентичностей, которые все чаще и во все большей степени содержат «примеси» классических религиозностей. В свою очередь, они все в большей степени участвуют в формировании гражданских религий и религиозностей и начинают все в большей степени играть консолидирующую роль в гражданских обществах. Это проявляется в том, что люди стремятся демонстрировать принадлежность к корневым религиозным традициям своих социумов или этических групп, причем к собственно религиозной вере это может и не иметь никакого отношения.

Посредством измерения символических кодов этических и гражданских ритуалов ряда европейских сообществ Сальваторе Мату (Университет г. Барселона, Испания) попыталась понять, как определенное общество формирует общее чувство принадлежности к культурным и историческим символам нации в современную эпоху. Социолог отметила, что «каждое общество имеет свои собственные источники и инструменты легитимности и достижения согласия, основанные на коллективной памяти и интерпретации исторических событий, причем, как правило, они ориентированы на общую телеологическую цель»²¹. Результаты исследования позволили сделать ряд существенных выводов. Отметим некоторые из них:

– эволюция гражданского общества в конкретном историческом контексте и культуре детерминирует собственное коллективное сознание. Через органическое целое – символических кодов и знаковых исторических событий, социальные силы формируют общее наследие нации;

– современную эпоху отличает то, что это наследие сконденсировано и усилено системой средств массовой информации, находит отражение в таком индивидуальном психологическом аспекте, как гражданский дух, реконструирует связь с политическими институтами, укрепляет коллективную идентичность и развивает демократию;

– в современных европейских обществах гражданская религиозность играет роль религиозного фактора, влияет на коллективную память в определенной нации и способствует регенерации и поддержанию общих социальных и политических целей;

– в секуляризованном обществе гражданская религия продолжает формирование социальной жизни и дает чувство принадлежности к соци-

альной жизни, работая в качестве инструмента интеграции и включения в национальный контекст, а также выступает как фактор конфликта в политической сфере²².

Немецкий социолог Р. Норри в исследовании «Религия, государство и гражданское общество: многоуровневый анализ европейского исследования ценностей» пытался выделить факторы, способствующие росту гражданской религиозности. Он отмечает, что независимо от религиозного состава европейских государств конституционное и фактическое отделение церкви от государства все в большей степени будет положительным образом влиять на рост гражданского общества, причем религия будет все в большей степени присутствовать в гражданской религиозности и оказывать влияние не только на политическую сторону гражданского общества. Автор также утверждает, что чем более независима от государства позиция церкви (как религиозного института), тем в большей степени она оказывает влияние на религиозные убеждения и религиозную практику. Причем отсутствие преференций по отношению к определенной религии способствует развитию «менее самодовольных», но более жизненно важных для общества религий. Кроме того, автором были получены убедительные доказательства положительных эффектов в этом процессе комбинации религиозных убеждений и социального капитала, и если они принадлежали к господствующей традиции, то проявлялась тенденция возрастания эффекта²³.

Общий вывод исследований в области гражданской религии сводится к тому, что в условиях современности гражданская религиозность приобретает новые качества, значимость и играет роль религиозного фактора. Она обладает силой и потенциалом компенсировать эффекты турбулентности и нивелирует последствия секуляризации. На рост гражданской религиозности непосредственным образом влияет политика отношений и дистанция между государством и церковью.

Киберрелигия и киберрелигиозность. Другой знаковой спецификой современности является формирование и распространение нового типа религиозных общин и киберрелигиозности в информационном пространстве Интернета. Наличие интернет-технологий революционизирует инструменты и способы, с помощью которых религиозные организации уже сейчас соревнуются друг с другом за своих сторонников, вынуждая прежде всего традиционные конфессии качественно реформировать себя. Так, например, на сайте Папского Совета по социальным коммуникациям в Ватикане содержится прямой призыв к широкому использованию интернет-технологий в достижении целей католической церкви. В частности, там отмечается, что «важно, чтобы люди на всех уровнях Церкви творчески использовали интернет в целях выполнения своих обязанностей и содействия выполнению миссии Церкви... Робость и страх перед технологиями или какая-либо другая причина не являются приемлемыми,

учитывая очень много положительных возможностей интернета»²⁴. На сайте дается подробное разъяснение того, каковы эти положительные возможности:

– «передовые методы организации связи и диалога среди своих членов могут укрепить узы единства между нами»;

– «немедленный доступ к информации дает возможность Церкви углублять свой диалог с современным миром»;

– «церкви легче информировать мир о своих убеждениях и разъяснять свою позицию в отношении определенного вопроса или случая»;

– «она [Церковь] может слышать более четко голос общественного мнения и поддерживать постоянный диалог с миром вокруг нее, вовлекая себя сразу в общий поиск решений для человечества по многим актуальным проблемам»²⁵.

Из сказанного видно, что Ватикан не только глубоко заинтересован в максимальном использовании Интернета для позиционирования католической церкви и обеспечения обратной связи с верующими и миром, но и в качественном реформировании корпуса священнослужителей, которые должны преодолеть «робость и страх перед технологиями». Они должны стать более открытыми современности, более образованными и говорить на одном языке с миром, для которого новые медиа стали элементом повседневности.

Марта Колодзески из Института социологии Университета Варшавы (Польша) в исследовании «Я посещаю церковь, и мне это нравится: роль религии в интернете»²⁶ провела контент-анализ и дискурс-анализ трех ведущих религиозных сайтов католической направленности (fronda.pl, apostol.pl, oroaka.org). Это позволило ей сделать ряд выводов, свидетельствующих о том, что доступность и открытость Интернета способствует созданию новых типов религиозных сообществ, где объединение происходит на основе общего религиозного мировоззрения, ценностей и морали, а также дифференциации между «нами» (религиозные сайты пользователей) и «другими» (другие пользователи).

Социолог отмечает, что дифференциация осуществляется на основе артикуляции презрения к современной культуре и ее пропаганде секса и насилия. Индивидуализация как признак киберпространства также присутствует, но она «заканчивается» там, когда сделан выбор посещать религиозные сайты, и пользователей религиозных веб-сайтов нельзя воспринимать как набор независимых лиц. Напротив, утверждает М. Колодзески, причины для регулярного посещения религиозных сайтов, участие в дискуссиях, чаты и онлайн-группы поддержки можно рассматривать как стимул к созданию новых типов религиозных сообществ.

Качества открытости и доступности Интернета как познавательного рынка в настоящее время активно используется поставщиками религиозных услуг (религиозными организациями и отдельными практиками) в целях эффективного

маркетинга. В исследовании «Маркетинг религии в киберпространстве» С. Кэйли (Университет Сиднея, Австралия) ставит целью понять, каковы основные маркетинговые последствия воздействия Интернета на религию. Социолог подчеркивает, что одной из главных черт киберрелигии является огромное количество вариантов духовных практик, доступных в Интернете. Потребители религии теперь имеют доступ к беспрецедентному множеству предложений, из которых можно выбрать то, которое в большей степени удовлетворяет духовным потребностям. «С одной стороны, это делает религиозный киберрынок более фрагментированным, что негативно сказывается на «курсе акций» давно сложившихся религий, таких, как католицизм и англиканское христианство. С другой стороны, веб-серверы становятся все более информированными не только о своих, но и о других религиях и духовных практиках».

Все это, вместе взятое, приведет к глобальной конкуренции на религиозном рынке, утверждает Кэйли. Причем процветать в этом конкурентном рынке будут те, кто обеспечит точное позиционирование. Проще говоря, Интернет потребует от религиозных поставщиков стать «проницательными бренд-менеджерами»²⁷. В то же время уже сейчас назревает проблема для свободной и честной конкуренции в религиозной киберсреде с антимонопольной точки зрения. Более богатые религиозные конфессии платят большие деньги, чтобы в рекомендованных различных поисковых системах попадать на «топовые» позиции, что сужает ассортимент предложений в то время, как потребители требуют большего выбора.

Другой вопрос, заслуживающий, по убеждению Кэйли, рассмотрения, связан с влиянием киберрелигии на изменения организационных структур религиозных организаций. Обусловлено это тем, что любой человек с доступом в Интернет может начать создавать сообщество веры и достичь миллионов потенциальных последователей с помощью нескольких кликов. Такая религиозная предприимчивость и гибкость, быстрая реакция на потребности рынка позволяет достичь большего успеха, чем неповоротливость религиозных институтов с громоздкой иерархической организационной структурой, считает С. Кэйли. Конкуренция в киберпространстве будет оказывать все большее давление на институциональные религии, склоняя их к децентрализации и большей демократизации своих организаций. Неспособность сделать это, подчеркивает Кэйли, приведет к отставанию на цифровом рынке. Те группы, которые не смогут адаптироваться к новым рыночным реалиям, может ожидать погружение в забвение.

Наконец, важным признаком киберрелигии является ее эклектичность. Возросший уровень технологий и расширение спектра пользователей Интернета стимулирует «производителей» киберрелигиозных услуг экспериментировать с комбинацией различных религий и духовных практик. С. Кэйли приводит примеры наиболее распространенных образцов синкретизма, как

правило, с базой, основанной на христианстве, и заимствованиями из индуизма, буддизма или восточной мысли. Относительно вопроса о духовном синкретизме в США, он отмечает: «...это, казалось бы, пронизывает все. Как показали опросы, от одной пятой до четверти населения США верят в понятия «кармы» и «реинкарнации» и, следуя духу New Age, говорят о «вселенной», о «энергии», о самосотворении и сотворении реальности»²⁸.

Таким образом, в настоящее время, когда духовные нужды людей становятся более заметными, чем когда-либо прежде, роль Интернета в качестве первичного поставщика религиозной информации и ресурса воплощения религиозных потребностей имеет тенденцию к существенному росту. Виртуальные сообщества в Интернете все чаще будут использоваться верующими в качестве альтернативы институциональным формам религиозности, что, в свою очередь, будет стимулировать рост модернизационных тенденций в рамках традиционных религиозных институтов.

Новые религиозные движения. Использование современных технологий и глобальный контекст позволяют традиционным религиям успешно конкурировать и, что не менее важно, поддерживают жизнеспособность локальных культов и локальных культур. Но к наиболее успешным и стремительно растущим относятся сегодня не традиционные религии, а новые религиозные движения (НРД). Исследования показывают, что НРД – это религия городов. Урбанизация НРД обостряет конкуренцию между религиозными движениями и вынуждают их адаптировать свой публичный образ и религиозные предложения к специфике конкретного города для того, чтобы быть более полезными своей целевой аудитории.

В результате новые формы духовности, новые религиозные или квазирелигиозные организационные структуры оказываются идеально приспособленными к городскому образу жизни и «городскому менталитету». Эти организации привлекают все больше и больше людей путем введения в их официальный дискурс темы, которые привлекают разные слои населения городских районов – молодежь, студентов, высококвалифицированных специалистов, мигрантов и др. Философия НРД активно вплетается в капиталистическую модернизацию, другими словами, в большой бизнес, посредством растущей потребности в «New Age-менеджмент и психотерапевтических тренингах». Девиз «Божественная сила внутри тебя» вселяет веру в успех, собственные силы, достижение цели. New Age предлагает доступные и понятные большинству активного работоспособного населения технологии достижения успеха и выживания, не нуждающиеся ни в одобрении традиционной церкви, ни в определенной религиозной практике.

Одним из эффективных путей получения знания New Age являются печатные издания. В Европе и в США создана целая издательская индустрия, выпускающая в свет десятки тысяч тира-

жей книг, брошюр и периодических изданий для разных возрастов и социальных групп по различной тематике – от рождения и воспитания детей, построения стабильных семейных отношений, решения целого ряда психологических проблем и до рецептов построения успешного бизнеса и эффективного менеджмента. Эти книги не просто издаются, они востребованы обществом, принося издателям немалый доход. Например, в период с 1993 по 1997 г. в Великобритании количество изданий, продвигающих идеи New Age в различных сферах жизни, возросло на 75%²⁹. В США продажи религиозных книг занимают сегодня существенную долю издательского рынка – 10%, находясь на втором месте после категории «Популярная беллетристика». Только за период с 2000 по 2003 г. количество изданий религиозного содержания, предназначенных для широкой аудитории, выросло на 50%, доход от продажи которых только в 2003 г. составил \$1,6 миллиардов³⁰.

Ключевым признаком современной религиозности является то, что она формируется в условиях меняющейся религии, которая становится все более приближенной к повседневности и становится все более «повседневной». И на понимание сути и направленности этих изменений нацелены исследования многих социологов религии сегодня. Они идут вслед за Т. Лукманом, который еще на рубеже прошедшего и нынешнего веков писал, что «прежде всего сама религия и ее институциональные формы, находясь под влиянием общественных трансформаций, качественно меняются»³¹.

Принадлежащие к разным национальным исследовательским школам социологи пытаются осмыслить новые религиозные изменения через призму преобразований самой религии. В условиях турбулентной современности религия становится все больше «поп-религией» (Х. Кноблаух), которую «актер может использовать» (П. Бурдьё) в определенных целях и в определенных контекстах, и играет больше «замещающую» роль (Г. Дэйви).

Расширяющийся уровень плюрализма, релятивизм и фрагментация культурной жизни в современных обществах создают качественно новые конфигурации религиозного пространства, отличающегося гетерогенностью и синкретичностью религиозных убеждений и практик, глубоким проникновением секулярного в состав религиозного и растушевыванием границ между ними. Застывших религиозных форм больше не существует. Модернизация «освободила» индивида, и постмодернистский христианский мир мало напоминает прежний, где место и роль религии были четко обозначены, а потому и однозначно идентифицируемыми. Под прессом меняющейся современности институционализированные религии стремятся быть активными игроками на «рынке» производства и распределения мировоззрений и общественно значимых норм и установок сознания. Однако традиционная религиозность уступает в весе

качественно новым формам, которые отвечают повседневным потребностям социальных акторов, соответствуют их социальным статусам, а потому отличаются большим разнообразием, подвижностью и комбинаторностью.

Kargina I.G. New Religiosities: Sociological Reflections.

Summary: *The article is devoted to the analysis of the main directions of the transformation of the modern institution of religion, the emergence of new types of religiosities, as well as the reformulation of views on religion and its role in the cultural*

transformations of the 21st century societies in the framework of the modern sociology of religion. The article develops the thesis that we are living in a "post-secular society", where religion is re-vitalized, de-privatized and increasingly influences behavior, politics, matters of the state and ethical debates in the public domain. In particular, the latest studies dealing with the current trends of "believing without belonging", i.e. non-institutionalized beliefs - more informal ways of "belonging", virtual communities on the internet, civil religiosity and post-traditional spirituality are analyzed.

Ключевые слова

Социология религии, новые типы религиозностей, субсидарная религия, киберрелигиозность, гражданская религиозность, новые религиозные движения.

Keywords

Sociology of Religion, the New Forms of Religion, Civil Religiosity, «Vicarious Religion», Civil Religiosity, New Religious Movements, Religion in Cyberspace.

Примечания

1. Beckford, James. The Insulation and Isolation of the Sociology of Religion // Sociology of Religion. Oxford, Volume 46, #4, 1985, P. 348.
2. См.: Reports on XVII ISA World Congress of Sociology. Gothenburg, Sweden. 11-17 July 2010. P.3.
3. См.: Merton R. The Unanticipated Consequences of Purposive Action // American Sociological Review, Vol.1, 1936.
4. См.: ESA Monthly Bulletin: January Special Issue. Conference in Geneva, January 2011. P. 14.
5. Knoblauch, Hubert. Culture and Religion in Turbulent Times – Secularization and the Transformation of Religion // Geneva, 10 September 2011 ESA 10th Conference "Social Relations in Turbulent Times. Programme book, Pp. 39-40.
6. http://www.esa10thconference.com/CFP_website/CfpRN_07
7. Там же.
8. Бурдые, Пьер. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; отв. ред. перевода и сост. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алтея, 2007. С. 54.
9. См.: Каргина И.Г. «Фуззи» религиозность как следствие трансформаций современного христианства в модернизирующемся обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М.: Изд-во РАГС, 2009. № 4.
10. Davie, Grace. Europe. The Exceptional Case: Parameters of Faith in the Modern World, London: DLT, 2002. P.12.
11. Collins-Mayo, Sylvia. Young People's Vicarious Religion // ISA Newsletter of the Research Committee 22 "Paper submitted to the XVII ISA World Congress of Sociology". – 2010, Issue #6. P.12.
12. Грэйс Дэйви является руководителем научного направления по социологии религии в Университете Эксетер (Exeter) (Великобритания) и директором университетского Центра европейских исследований. Она получила широкую известность в научных кругах после издания в 1994 году монографии "Religion in Britain Since 1945: Believing Without Belonging" - Oxford: Blackwell, 1994. К наиболее известным ее работам последних лет можно отнести: Religion in Modern Europe: A Memory Mutates. Oxford:Oxford University Press, 2000; Europe: The Exceptional Case: Parameters of Faith in the Modern World - London: DLT, 2002, The Sociology of Religion: A Critical Agenda. London: SAGE Publications, 2007.
13. См.: Davie, Grace. Religion in Modern Europe. A Memory Mutates, Oxford: Oxford University Press, 2000. P.33.
14. Davie, Grace. Religion in Modern Europe. P. 59.
15. Davie, Grace. Europe. The Exceptional Case: Parameters of Faith in the Modern World, London: DLT, 2002. P.19.
16. См.: Davie, Grace. Europe. The Exceptional Case: Parameters of Faith in the Modern World. P.19.
17. См.: Davie, Grace. Vicarious Religion: A Methodological Challenge / Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives. Ammerman, Nancy T. (ed.) New York: Oxford University Press, 2006.
18. Davie, Grace. Vicarious Religion: ... PP. 21-37.
19. См. Bruce, Stev; Voas, David. Vicarious Religion: An Examination and Critique // Journal of Contemporary Religion.
20. Volume 25, Issue 2, 2010. Pages 243 - 259.
21. Jenkins, Philip. God's Continent: Christianity, Islam, and Europe's Religious Crisis. Oxford: OUP, 2007. Pp.69.
22. Mattu, Salvatore. The Role Of Civil Religion In Foundation Collective Memory // Geneva, 10 September 2011 ESA 10th Conference "Social Relations in Turbulent Times. Abstracts Book. P. 711.
23. Там же.
24. См.: Norrrie, Richard. Religion State & Civil Society: A Multilevel Analysis Of The European Values Survey (2008) // Geneva, 10 September 2011 ESA 10th Conference "Social Relations in Turbulent Times. Abstracts Book. P. 708.
25. См.: <http://www.vatican.va>
26. Там же
27. Kolodziejska, Marta. I'm Attending Church and I Like it. The Role of Religion on The Internet // Geneva, 10 September 2011 ESA 10th Conference "Social Relations in Turbulent Times. Abstracts Book. P. 684.
28. Kale, Sudhir. Marketing of Religion in Cyberspace // Geneva, 10 September 2011 ESA 10th Conference "Social Relations in Turbulent Times". Abstracts Book. P. 663.
29. Kale, Sudhir. Marketing Religion in Cyberspace ..., P. 664.
30. См.: Halman, L & Pettersson, T. Differential Patterns of Secularization In Europe: Exploring The Impact of Religion on Social Values / Religion in Secularizing society. - Leiden; Boston; Brill, 2003. Pp. 51-64.
31. <http://www.bisg.org>
32. См.: Luckman, Tomas. Religion Situation in Europe: SAGE, 1999. Pp. 253-255.